

МАСТЕРУ было бы 115 лет. Столько, конечно, не живут, особенно в наш век. Но никто, пожалуй, не взялся бы при жизни предсказать гениальному и практически признанному таковым режиссеру тот конец, который приберегла для него завистливая судьба.

Когда Союз театральных деятелей РСФСР и Московский театр имени Марии Николаевны Ермоловой приглашают вас на вечер памяти Всеволода Мейерхольда, вы стараетесь отложить все и при любой степени занятости пойти. Конечно, хорошо бы сказать — отдать дань светлой памяти великого художника, и этой причины было бы вполне достаточно. Но она не одна. Пожалуй, и не главная.

Не об одном прошлом думаете вы в эти дни и часы. Сейчас, к юбилею, видимо, все, что касается Мейерхольда, обретаёт не только исторический интерес — эпитет может считаться синонимом академического или любого другого, лишь бы холодновато-отстраненного. Сейчас все это жжется, производит более мучительное впечатление, чем когда бы то ни было раньше.

Вот только что опубликовано письмо заключенного Мейерхольда к Молотову. И режиссер получает новую роль: становится нашим проводником по миру застенков, конкретностью и осязаемостью далеко превосходящему все фантазии вроде того, что виделось Данте.

Так получилось, что о многом мы узнаем через наших посланцев в том времени, людей славных и знаменитых. Скажем, через Николая Ивановича Вавилова. Или Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

Конечно, спор о том, кому пришлось хуже от репрессий сталинщины, «народу» или «интеллигенции», часто получает характер довольно вздорный — уже для начала его надо допустить, что интеллигенция это не народ. Но вообще-то разговор о том, как влияет на палачей знаменитость жертвы, имеет свой психологический интерес. Пожалуй, особое злорадство вызывает унижение высокого в том, кто в последнем уголке мозга не мо-

Москва 1989 *комсомолец*
Враги *Ишарга*

бывают У ЖИВЫХ

жет не сознавать своей тайной, спрятанной, почти и все-таки всегда почти, не до конца стертой преступности.

Можно сказать, что мы всей страной совершаем путешествие в свое прошлое, и встречают нас прежде всего те, кого мы и так хоть немного, да знаем. А знать их, чувствуется, надо больше, надо знать о них все, что еще возможно узнать.

ХОТЯ БЫ и слабости. Вот обычный, уже примелькавшийся упрек Мейерхольду: он чересчур уж обожал свою жену, Зинаиду Райх, и всегда давал ей ведущие роли. Маяковский, знавший истинную цену и ему, и ей, и тем, кто старательно и радостно выражал свое недовольство, — Маяковский иронизировал: мол, не так надо рассуждать. Он женился на ней, потому что она хорошая актриса!

Там не менее на ее долю выпала особая посмертная

торачь. Шепоток о том, что у Мастера любой и любая сыграли бы гениально, а так, сама по себе, она актриса, ну, скажем, второсортная, неотвязчиво преследует эту тень и по наши дни.

Едва ли не впервые — да, кажется, и в самом деле впервые — должное Зинаиде Николаевне воздано опять-таки буквально в эти вот самые дни: вышел в свет журнал «Театр» номер первый за этот год, в котором Любовь Руднева поместила статью именно о ней, о ее судьбе, и прежде всего о ее таланте. Актёрский талант — самый уязвимый, он мгновенен, хотя потрясение может сохраняться у вас от встречи с ним всю жизнь. И потому автор, не ограничиваясь собственно анализом, глубоким и искренне влюбленным, приводит свидетельства тех, кому нельзя не поверить: Михаила Чехова; Андрея Белого, Ильи Эренбурга, Владимира Маяковского, Дмитрия Шостаковича, Бориса Пастернака... Они говорят и о ней, и о ее игре.

На вечера мы услышали и еще трогательные воспоминания о Зинаиде Николаевне Валентина Плучека, в ту пору совсем молодого актера.

Большое впечатление на собравшихся произвел, как обычно, обаятельный ведущий вечера Зиновий Гердт, поделившийся со зрителями и своими личными воспоминаниями о Мейерхольде, имеющими самостоятельную литературную ценность как блистательно обточенная новелла, в которой действуют Великий Режиссер, Робкий Юноша, приятель его пасынка, и Прекрасная Незнакомка.

Мы с особым чувством встретили Юрия Петровича Любимова, который и услышал-то в жизни от Мейерхольда всего несколько слов, но который в своей режиссуре соединил многое и от Вахтангова, и от Мейерхольда.

НО НАМ, пожалуй, приходится вспоминать и о том, чего не очень хотелось бы помнить. История, ставшая фактом сознания, памяти человеческой, как бы старается улечься поудобнее, упроститься, и тут возможны искажения, а значит, надо быть бдительными.

Проще было бы, конечно, представлять себе разгром театра имени Мейерхольда как чисто чиновничью акцию. Где-то за спиной охотников на гения возвышался Сталин, но обязательно следует назвать и П. М. Керженцева. Как пишет в первом номере «Вопросов литературы» за этот год Нина Молева, «можно назвать и имя П. М. Керженцева, возглавившего в 1936 году вновь организованный Комитет по делам искусств и отметившего свой приход к руководству истреблением В. Мейерхольда».

Н. М. Молева, лучший на сегодня знаток старой Москвы, пишет о доме Нирензее, где начальник изволил проживать, и ей его — назвать всего только можно. Нам же необходимо.

Но, и это самое горькое, здесь же названы участники собрания трупы, проходившего в течение трех дней декабря, где то ли перепуганные, то ли в самом деле разозлившиеся ученики (опять-таки эта пресловутая «семейственность») отрекали от своего учителя, клеймили его, требовали для него самого сурового наказания. Здесь не хочется лишний раз называть эти имена, известные в советском театральном и киноискусстве. Вряд ли они могли тогда представить себе, насколько именно суровым оно окажется.

Не стану называть и имя театрального критика наших дней, составившего его себе именно нападениями на Мейерхольда как разрушителя русской культуры, как участника всемирно-исторического «масонского» заговора против России — тут, видимо, сыграла свою роль и безграмотность нападающего, и сама фамилия Мейерхольда происходящего, кажется, из пензенских купцов, обрусевших немцев. Мы с вами можем и не знать этого досконально, не придавая особого значения вопросам происхождения, но для кого-то именно это важнее всего. А вспоминаю я об этом вообще, чтобы вы оценили: до чего жив Мейерхольд — даже враги ест!

На вечера было много сказано хорошего и грустного. Самое же большое впечатление произвел, на мой взгляд, народный художник СССР Николай Соколов («Кукрыникс»), в своем почтенном возрасте, нелегко поднявшийся на сцену и сказавший какие-то очень простые, проникновенные слова о Мастере и о том, что мы нуждаемся сейчас в его музее, который стал бы и памятником, и большой интереснейшей школой.